

Андронов Николай

15.03.04.

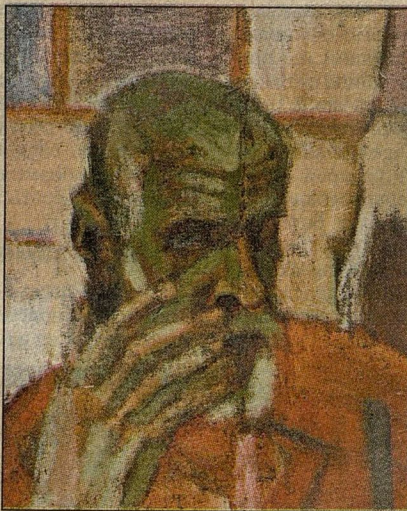
Три деревни, два села

Персональная выставка Николая Андропова в Третьяковской галерее

Дмитрий СМОЛЕВ

Легендарного шестидесятника, у которого нынче 75-летие, знают сегодня мало. Слышали имя, видели кое-что из работ в репродукциях и на сборных выставках, может быть, обращали внимание на мозаику, венчающую кинотеатр «Октябрь» на Новом Арбате, — и не более. Творчество этого художника большинству нынешних зрителей, что называется, параллельно. Очень подходящее слово, между прочим. Андроновские холсты и рисунки не устареют, не девальвировались со временем, как часто бывает, а словно переместились в параллельную реальность. Оставаясь объектами физического мира, они не выдают своего духовного содержания досужему зрителю. Прикинувшись образами архаического стиля, перекликаются только между собой и будто ждут каких-то следующих времен.

Отчасти эффект сегодняшнего невосприятия основан на том, что работы Андропова, как и некоторых других его коллег-современников, маркированы позднесоветским регламентом. Мастера «сурового стиля», к которым принадлежал и Николай Иванович, из опальных довольно скоро превратились в официальных. Когда-то Андропова исключали из Союза художников и периодически вызывали на Старую площадь для промывки мозгов, а уже через несколько лет включили в список благонадежных. «Оттепелый» гражданский порыв был нейтрализован, однако нельзя сказать, что восторжествовал

конформизм. Живописец с головой ушел в стилию высокого ремесла, решая для себя проблему соединения традиции с современностью. Еще и потому отторгают его полотна скользящие по ним взгляды, что не для забавы предназначались. Серьезность теперь не в моде, а Андронов был предельно серьезен, когда в деревянной избе на берегу озера в Ферапонтове вел мысленные диалоги с Тицианом, Дионисием, Рембрандтом.

Полею для углубленных профессиональных поисков стала сельская тема. Ей художник был верен до самой смерти в

1998 году, хотя она утратила популярность намного раньше. При этом Андропова трудно отнести к «деревенщикам»: его пейзажные произведения почти лишены социальности и сентиментальности. Через деревенские сцены и виды он пробовал подбираться к вселенской гармонии. Не любил экзотических путешествий в дальние страны, хотя возможностей хватало, а предпочитал колесить по средней полосе. Соответственно, андроновские мотивы не блещут разнообразием: все больше лошади мохноногие да утлые избенки, черный лес за оконным переплетом да мужики на завалинке. С точки зрения внешних эффектов сделано все, чтобы не провоцировать поверхностных реакций. Если уж работать для вечности, то без дураков.

Внерыночная советская действительность породила уникальный феномен: художник получал право работать без оглядки на зрителя. Многих эта ситуация развращала, некоторым же, как Андронову, позволяла реализоваться по максимуму. То, что им произведено, теперь непонятно, как пристраивать в новейшую историю искусства. То ли зачислить в «левый официоз», то ли пустить по почвенническому разряду, то ли преподнести как извод авангарда. Время подумать еще есть, благо андроновские работы никого никогда не торопят. Там уже все сделано, что зависело от художника, а другими способами влиять на потомков он считал неэтичным. Пусть сами разбираются с масштабами и значениями.

Русский курьер — 2004 — 15 марта — с. 8